

Анджей ВАЙДА:

«Никто не освобождает меня от ответственности»

Свой первый фильм «Поколение» Анджей Вайда снял в 28 лет. Когда вышел «Пепел и алмаз», ему было 32, и его уже называли классиком. 77-летний классик привез в Москву 25 картин для своей ретроспективы (среди них «Человек из мрамора», «Человек из железа», «Дирижер», «Пилат и другие», «Свадьба», «Хроника любовных происшествий», «Любовь в Германии», «Корчак», «Бесы», «Настасья») и пять отобранных им картин для программы нового польского кино («Громче бомб» Пшемислава Войцехека, «Завтра наступит рай» Ярослав Маршицкого, «Человек-магнит» Марчина Врона, «Мужское дело» Славомира Фабиянского, «Эди» Петра Тиаскальского). В ретроспективе – фильмы, получившие признание в мире, но по разным причинам не шедшие у нас в прокате (с опозданием на десять лет пробились «Человек из мрамора», «Без наркоза», «Человек из железа» – последний был куплен, но так и не появился на экране).

И вот он снова здесь, пан Анджей, снова с нами. «Последний романтик в редущей галерее последних киноклассиков». Снова с нами его фильмы. Перед тем, как выйти на сцену Дома кино, пан Анджей пришел на встречу с журналистами.

– В программе ретроспективы написано: «Анджей Вайда и новое польское кино». Я верю в новое польское кино. Три года назад вместе с Войцехом Марчевским, известным в Европе педагогом, мы основали Высшую школу кинорежиссуры в Варшаве. Мне бы хотелось, чтобы эта Школа объединила молодых режиссеров, занимающихся кино, объединила кинематографистов Востока и Запада, надеюсь, что в будущем году нам удастся создать курс, где молодые кинематографисты России, Литвы, Украины получат возможность учиться со своими коллегами из Дании, Швейцарии, Франции, Германии. Я признателен, что в нынешнюю программу включено новое польское кино. Оно рождается с болью, трудностями, с ошибками. В Польше нет государственного положения, защищающего национальный кинематограф, рынком владеет кино американское, трудно найти средства на производство фильмов, особенно молодых. Однако в последние годы в достаточно тяжелой обстановке удалось снять картины, имевшие успех у польских зрителей. А мы в долгу у них.

– В прошлом вашу ретроспективу, кажется, в 76-м году, не вошел фильм «Пилат и другие» по Булгакову. Как человек великодушный вы тогда все взяли на себя: сказали, что не настаивали на включении фильма в программу, поскольку считали его не вполне экранизацией Булгакова. Но время того ответа прошло, а что вы скажете сегодня?

– Удивляюсь, насколько я был умен в то время. Моя встреча с Булгаковым началась в момент, когда набирало силу движение хиппи, в конце 60-х. Они провозглашали явление Мессии. Я хотел снять картину об Иисусе, который сейчас является к нам. Договаривался со сценаристами, но никто из них не дал мне соответствующего материала. Тогда-то и появился роман «Мастер и Маргарита», и я понял – это то, что я ищу. О том, чтобы снять картину в России, не могло быть и речи. Я воспользовался предложением немецкого телевидения, западногерманской студии ZDF – они давно уговаривали меня что-нибудь снять у них. Я подготовил сценарий, пригласил чешского оператора, студия согласилась на участие польских актеров. Съемки проходили в Нюрнберге. И вот вся эта славянская команда поднялась на трибуну, с которой выступал Гитлер. Это был потрясающий день в моей жизни. И Анджею Лапицкому, и мне чудом удалось остаться в живых во время войны, и теперь мы смотрели на руины тысячелетней империи. Мы, славяне, которые должны были быть уничтожены Третьим рейхом.

Фильм «Пилат и другие» был снят для немецкого телевидения, а мне очень хотелось, чтобы его показали в Польше. Выяснилось, что это нелегко. Но случилось несчастье – умер Ян Кречмар, игравший Пилата, и польские власти согласились показать фильм в память о его творчестве. Немецкое телеви-

дение разрешило мне сделать две копии. Через несколько месяцев после премьеры я получил письмо от одной официальной дамы, где говорилось, что эта картина задевает, обижает религиозные чувства людей, и ее быстро сняли с экрана.

– Говорят, что в поиске новых сценариев, вы обратились через интернет к молодому поколению.

– Я не через интернет обратился. И обратился с вопросом: что бы вы хотели, чтобы я для вас снял? Пришло двести ответов. От молодых людей со всей Польши. И мы выбрали один наиболее понравившийся ответ. Даже придумали название – «Польша 2 мая». Почему 2-го? 1 мая – левые празднуют. 3 мая – День польской конституции, его правые отмечают. А мы выбрали посередине – 2 мая. 98 процентов предложенных тем – о современной жизни. То есть люди отвернулись от прошлого, от каких бы то ни было исторических событий.

– Пан Анджей, расскажите о вашем проекте о Катыни, и будет ли в нем участвовать российская сторона?

– Мы надеемся, что Министерство культуры России примет участие. У него есть интерес к этому проекту. Но пока не будет написан сценарий (он еще в работе), сложно о чем-нибудь говорить. Скажу лишь самое главное. Катынь – одно из самых трагических событий Второй мировой войны, и польский народ получил опыт, который ни с чем нельзя сравнить. Об этой трагедии нет никакого литературного материала (повести или романа), который мог бы лечь в основу будущего фильма. Сценаристу очень трудно по заказу написать сценарий на такую тему. Это материал, скорее, для большого писателя. Такой писатель в Польше есть – Влодзимеж Одоевский, один из представителей старшего поколения. С ним я сейчас и сотрудничаю, дожидаясь его романа.

– Интересно ли вам современная Польша? Могли бы вы сами снять о ней кино?

– Она не только интересна мне, она часть меня самого. Конечно же, не обошлось без иллюзий, конечно же, нам казалось, что перемены наступят гораздо быстрее. Но я

часть этой действительности, даже одно время был депутатом, работал в польском парламенте, и чувствую свою ответственность за то, что происходит в Польше. Почему об этом трудно снимать фильм? «Польская школа» возникла в 55-м, 56-м, спустя десять лет после окончания войны, то есть десять лет понадобилось, чтобы польское кино смогло объяснить, что произошло, осознать, что произошло. Может быть, фильмов о современности мы должны ждать от молодого поколения. Однако сниму я такую картину или нет, никто и ничто не освобождает меня от моего долга, от моей ответственности.

– Вопрос к присутствующему здесь господину послу Стефану Меллеру: что такое фильмы Вайды для вас – поляка и историка?

– Мне трудно говорить об этом в присутствии самого Вайды. Но все-таки речусь. Анджей Вайда не только великий режиссер (не слушайте, пожалуйста), он великий поляк и великий учитель польской истории. Я бы сказал, что в Польше он меду между поляками, между режиссерами и актерами.

– Когда я приступал к съемкам фильма «Дантон», мне удалось уговорить на главную роль Жерара Депардье. Встретившись со мной, он сказал: «Я сыграю ради тебя Дантона, если ты мне объяснишь, что им там было нужно в этой французской революции». А что было основным ключом этого события, я, в свою очередь, как раз узнал от профессора Стефана Меллера, поэтому смог все объяснить Депардье.

– Между нашими странами были разные отношения. Как пан Вайда, как человек искусства, борется с политическими разногласиями?

– Не следует смешивать немцев и Гитлера, русских и Сталина. Диктаторы приходят и уходят, а народ остается. Остается определенный опыт, он дает нам возможность заглянуть в будущее, надеяться, что наши отношения станут естественными, искренними. Я хотел бы, чтобы о тех временах были сняты фильмы, которые не порежет цензура. Хотя, может быть, стоит еще подождать.

– Вы не раз обращались к русской классике, к Достоевскому, а не хотелось бы вам

снять фильм по Чехову? И насколько связан ваш фильм «Бесы» с вашим блистательным спектаклем, поставленным в Кракове?

– Может быть, потому, что я обожаю смотреть Чехова – у него такие пронзительные чувства, – я еще не осмелился его поставить. Мне это даже в голову не приходило. Наверное, это не объяснение, но все же...

Я очень хотел экранизировать роман «Бесы», мне казалось, что я все знаю на эту тему. Я дважды ставил «Бесов» на сцене – первый раз в 71-м в Старом театре в Кракове (спектакль был в репертуаре пятнадцать лет, жаль, что телевидение так и не решилось перенести его на малый экран), второй – в Иельском театре в Нью-Хевене. Когда ты ставишь на сцене – на первый план выходят диалоги, ведь герои Достоевского много говорят. В кино же на первом плане образы, картинки, иллюстрирующие то, что происходит, а диалоги сокращаются. Фильм «Бесы» снимался на студии Gaumont, в нем играли французские актеры, до них многое не доходило, они многое недопонимали. Естественно, это не их вина, может быть, я не сумел им объяснить. Для меня это был невероятно болезненный опыт. Двадцать лет я стремился к постановке «Бесов» в кино и надеялся, что это будет одна из значимых картин. Если бы я поставил ее в Польше, с польскими актерами или в России, с русскими... Но, к сожалению, случилось по-другому.

– Вы много работали в Европе, но никогда – в Америке и для Америки. Вам не поступали такие предложения или вы отказывались от них?

– Чтобы снять американскую картину, надо жить американской жизнью. Форману, например, понадобилось десять лет, чтобы начать снимать американские картины, которые получили мировое признание. Я знал, что если поеду в Америку, то первое, что сделаю, – сниму фильм на тему «Пепла и алмаза». Но эта тема не могла заинтересовать Америку. Там, в Америке, мне пришлось бы начинать свою творческую жизнь с самого начала.

– Пан Вайда, как родилась идея создать в фильме «Перстень с орлом в короне» ретроспекцию одного из лучших эпизодов «Пепла и алмаза» – стопки с пылающим спиртом превращаются в поминальные свечи?

– Мне кажется, я совершил ошибку. Когда в Польше наступила свобода, я вбил себе в голову, что как раз сейчас-то и надо делать картины, которые в свое время не могли быть сделаны, обратиться к темам, которые были запрещены. Но я забыл об одной очень важной вещи – уже нет того зрителя, которому это было бы необходимо. Сейчас зрители ориентированы совсем на другое. И это стало моей неудачей – неудачей свободы.

– Удастся ли вам следить за современным кинематографом, и какие фильмы или режиссеры заставили вас удивиться, восхититься, а, может быть, даже почувствовать белую зависть?

– Александр Сокуров. Его кино меня восхитило. В прошлом году на Берлинском кинофестивале Сокуров из моих рук получил награду «Приз Свободы». Его «Русский ковчег» – потрясающая картина. А образ, возникающий в финале фильма! Разве возможно было, чтобы в такой стране победила революция? Я смотрю на это небо, на этот расцвет, на этих людей – они радуются, они ничего не боятся, они уверены в себе! Нужен необыкновенный талант, чтобы создать такой образ.

– В Польше вышла ваша книга. Проявило ли к ней интерес какое-нибудь наше издательство?

– Вышло две книги. Одна из них – автобиографическая, «Кино и остальной мир». Есть еще «Двойной взгляд», где я попытался передать свой режиссерский опыт. Эта книга вышла на Украине, а здесь ко мне еще никто не обращался, был бы счастлив, если бы это произошло.

14 апреля Анджею Вайде было присвоено звание Почетного Доктора ВГИКа.

Материал подготовила Елена УВАРОВА